

ГОРЬКИЙ — В. А. КАВЕРИН

Впервые Вениамин Александрович *Каверин* (псевдоним В. А. Зильбера, р. 1902 г.) встретился с Горьким весной 1921 г. в Петрограде, на квартире у Горького, на Кронверкском проспекте, куда был приглашен вместе с другими молодыми писателями. Незадолго перед тем он послал Горькому свои первые рассказы: «Одиннадцатая аксиома» и «Скиталец Ван-Вазен» (не опубликованы).

Горький с самого начала оценил своеобразное дарование молодого писателя с характерными для него чертами: склонностью к фантастике и острой сюжетности.

«Вслед за появлением каждой моей книги,— вспоминает В. А. Каверин,— я получал от него письмо, содержащее строгую, но добрую критику...» (см. В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 161).

В 1922 г. Горький писал М. Л. Слонимскому по поводу рассказа Каверина «Хроника города Лейпцига в 18.. году», напечатанного в первом альманахе «Серапионовы братья»: «...как всегда интересен Зильбер — оригинальнейший писатель...» (см. Горький — Слонимский, письмо 5).

Немного позже Горький писал о Каверине Федину: «Вот увидите, что этот чудотворец весьма далеко пойдет...» (см. в наст. томе Горький — Федин, письмо 5). В том же году, в статье о «Серапионовых братьях», напечатанной в журнале «Disque vert», Брюссель, 1923, №№ 4—6, Горький писал о Каверине: «Интереснейшей фигурой среди „Серапионовых братьев“ является Вениамин Зильбер, фантаст, поклонник Гофмана, обладающий острым воображением и юмором, но еще не выработавший своего языка. Он очень молод, как и подобает Вениамину, но у него есть все для того, чтоб стать оригинальным писателем» (см. наст. том, стр. 562).

В статье «Призвание писателя и русская литература нашего времени», опубликованной в венгерском журнале «Nyugat» в 1925 г., Горький говорит о Каверине как о писателе, для творчества которого характерны «невероятные приключения и коллизии» (АГ). Молодой писатель чувствовал твердую направляющую руку Горького: «Он подсказывал темы, направлял мысль, предостерегал <...> Не выходя за пределы жанра, свойственного, как ему казалось, начинающему писателю, он вкладывал в его детские упражнения современное политическое содержание» (В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 161—163).

О том, как общение с Горьким внушило молодому писателю веру в свои силы и помогло найти свой путь в литературе, Каверин рассказал в статьях: «Поиски и решения» («Новый мир», 1954, № 11) и «Горький и молодые» («Знамя», 1954, № 11). В первой из этих статей он писал: «За пристрастие к острому сюжету критики преследовали меня всю жизнь, и если бы не Горький, внушивший мне, еще когда я был юношей, что мне следует дорожить этой своей склонностью, я, вероятно, стал бы в конце концов писать бессюжетные, скучные произведения» (стр. 190).

Ниже печатается восемь писем Горького по автографам, хранящимся у адресата (частично письма опубликованы в указанных выше статьях Каверина), и шесть писем Каверина.

См. также приложение к переписке Горький — Федин.

1

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

(Петроград. Весна 1921 г.)

Хотя неясность рассказа ¹ и нарочита, но в нем чувствуется нечто недоговоренное *по существу темы*. И кажется, что это уже неясность — невольная. Иными словами: интересная и довольно своеобразная тема не исчерпана автором; боюсь, что со временем — он сам пожалеет: преждевременно, не продумав до конца, использовал хорошую мысль.

Написано же довольно искусно, почти талантливо, однако — язык записок монаховых не везде точен, выдержан.

В обоих рассказах ² — один и тот же недостаток: слишком силен запах литературы, мало дано от непосредственного впечатления, от жизни. Авторы смотрят на действительно сущее как бы сквозь бинокль книги, литературной теории.

При этом иногда бинокль употребляют с того конца, который уменьшает предметы. Размеры рассказа здесь не играют никакой роли: драгоценные камни вообще не велики. И — нередко — большой хуже малого, ибо небрежнее отшлифован.

Я бы рекомендовал авторам — больше смелости, самонадеянности самоуверенности. Теории — это весьма интересно, иной раз даже полезно, реже — необходимо, но самое-то важное для юности — учиться из опыта, не верить, исследовать, проверять и затем уже — верить! Если хочется ³.

А. П.

Датируется по времени, когда Каверин послал Горькому свои первые рассказы.

¹ Рассказ «Одиннадцатая аксиома» под девизом: «Искусство должно строиться на формулах точных наук», был представлен на конкурс начинающих писателей, организованный Петроградским Домом литераторов (в 1921 г.), и получил третью (б) премию.

² По поводу этого письма Каверин сообщает: «Это — отзыв Горького о двух моих рассказах: „Одиннадцатая аксиома“ и „Скиталец Ван-Вазен“. Они были посланы анонимно, и Горький ошибочно приписал их двум авторам, — очень близким в те годы, — мне и Льву Лунцу».

³ В воспоминаниях «Горький и молодые» Каверин пишет: «Освободиться от „собственно литературы“ с тем, чтобы научиться в подлинном искусстве воплощать свой жизненный опыт, — к этой мысли он неоднократно возвращался и в других своих письмах».

Но опыта еще не было, и глубоко убежденный в том, что „искусство должно строиться на формулах точных наук“, я продолжал писать свои „геометрические рассказы“» («Знамя», 1954, № 11, стр. 162).

2

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

24/IX 1922. Петербург.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Вы несколько раз упоминали обо мне в письмах к Серапионам ¹, и я решил написать вам, чтобы поблагодарить за память. Спасибо вам сердечное за то, что помните меня и за то, что в меня верите. Это меня очень поддерживает и ободряет, тем более, что за последний год мне часто говорят, что мои рассказы оторваны от жизни, надуманы и т. д. Сейчас в фаворе быт и русская действительность, этаким тугой литературный диалект. И как будто мало в современной жизни всякой фантастики и даже не авантюрной, а именно романтической. А написать — так никто не поверит. И пишу, и не верят.

Наконец, можно же писать и не о России даже, но так, чтобы рассказы революционной формой были в соответствии с русской действительностью. Вы простите меня, Алексей Максимович, за то, что я затрудняю

вас своим письмом. Я очень хочу прислать вам свои рукописи. За последний год, со времени вашего отъезда я написал 7—8 рассказов. Из них 3 — никуда не годятся, а 4 вышли ничего себе. Если бы я знал, как их вам послать, я бы послал непременно.

Их заглавия: «Пурпурный палимпсест», «Щиты и свечи», «Страна геометриков», «Повесть о столяре и рубанке»². Последние два — русские и о России. Это не потому, что я сдал мои иностранные позиции (можно всю жизнь писать о той же Германии), а потому, что интересно на русском материале провести какую-нибудь небывальщину.

Потом в Берлине в «Алконосте» у С. М. Алянского³ лежит моя повесть «Пятый странник»⁴. Мне очень хочется, чтобы вы прочли все это, потому что я работал добросовестно и кое-что удалось. А печататься здесь мне совершенно невозможно, и ни одного рассказа, кроме того, что был в Альманахе⁵ — я не напечатал еще.

Дорогой Алексей Максимович! Напишите Серапионам, как вы живете, как здоровы и о чем пишете.

В. Б.⁶ пишет нам, что очень тоскует. Его жена и сестра с дочкой живы и здоровы. Друзья их и его не забывают и любят по-прежнему. Серапионы также все здоровы, у Федина родилась дочка. Все пишут. Миша Слонимский выпустил книгу «6-й стрелковый»⁷. Лунц написал очень интересную трагедию «Бертран де Борн»⁸. Зощенко написал «Записки офицера»⁹, словом, все работают на совесть. Должно быть, вам обо всем этом пишут другие. На днях я пошлю вам по почте, на риск, рукопись. Почти все рукописи, посланные по почте, пропадают. Может быть, на этот раз дойдет.

Всего, всего доброго.

В. З и л ь б е р

Мой адрес: Птгр. Греческий проспект, 15, кв. 18. Тынянову¹⁰. Чуть не забыл. Я пишу под псевдонимом: В. Каверин. И под этим псевдонимом послал Эренбургу одну статью. У нас было торжественное заседание памяти Гофмана, и я приготовил речь о нем. Эту речь я и послал Эренбургу¹¹.

Ну всего доброго. Будьте здоровы

Ваш В. З и л ь б е р

¹ Литературное содружество «Серапионовы братья» возникло в начале 1921 г. Ядром группы явилась литературная молодежь, занимавшаяся в 1919—1920 гг. в студии переводчиков при изд-ве «Всемирная литература». К «Серапионовым братьям» принадлежали: И. А. Груздев, М. М. Зощенко, В. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, В. С. Познер (вскоре, в 1922 г. уехавший во Францию), Е. Г. Полонская, Н. С. Тихонов, К. А. Федин.

В ранних опытах «серапионовцев» ощутимо влияние Е. Замятина, А. Ремизова, В. Шкловского как одного из основоположников русского формализма 20-х гг. Отсюда увлечение формалистическими экспериментами над языком, сюжетом и композицией произведения.

В 1922 г. участники группы декларативно выступили со своими автобиографиями и статей Л. Лунца «Почему мы Серапионовы братья» («Литературные записки», 1922, № 3, от 1 августа). В статье Лунца, как и в некоторых автобиографиях, утверждалась идея автономности искусства, независимости художественного творчества от политических и общественных задач.

Однако в художественной практике ряда серапионовцев уже в те годы опрокидывались эти программные заявления, обнаруживалась органическая связь с идеями и пафосом революционной действительности. «...Некоторые из нас, — вспоминал К. Федин, — уже довольно скоро и резко поставили себе литературные задачи как задачи общественные» («Лит. газета», 1936, № 21, от 10 апреля). К середине 20-х гг. «Серапионовы братья» как группировка, объединенная общей платформой, фактически распалась, хотя дружеские связи между «серапионовцами» сохранились надолго.

Горький сыграл чрезвычайно большую роль в процессе идейного и творческого созревания большинства «серапионовцев». Он внимательно следил за их литературной деятельностью, помогая им материально, читал и правил их рукописи, в своих

письмах неизменно подвергал произведений молодых писателей дружественной но требовательной критике. Поддержка Горьким «Серапионовых братьев» объяснялась тем, что в их творчестве он видел ростки нового искусства, порожденного революционной эпохой. «Я слежу за развитием и духовным ростом «Серапионовых братьев» с великими надеждами, — пишет Горький в статье «Серапионовы братья», напечатанной в бельгийском журнале «Disque vert». — Мне кажется, что эти молодые люди способны создать в России литературу, в которой не будет ни квиетизма, ни пассивного анархизма Льва Толстого, из нее исчезнет мрачное садистическое инквизиторство Достоевского и бескровная лирика Тургенева» (см. наст. том, стр. 562).

Об отношении Горького к «Серапионовым братьям» см. также его переписку с М. Слонимским и К. Фединым.

² Рассказы: «Пурпурный палимпсест», «Щиты и свечи», «Повесть о столяре и рубанке» (под заглавием «Столяры»), «Страна геометриков» (под заглавием «Инженер Шварц») — напечатаны в сб.: В. К а в е р и н. Мастера и подмастерья. М., «Круг», 1923. См. письмо 5.

³ Частное художественное издательство С. М. Алянского «Алконост» существовало в Петрограде с 1918 по 1923 г. и ориентировалось, в частности, на круг писателей-символистов — А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Ремизова, К. Эрберга и др.

⁴ «Пятый странник». Альманах «Круг», кн. 1. М., 1923.

⁵ «Хроника города Лейпцига за 18.. год». — «Серапионовы братья». Альманах первый. Пг., «Алконост», 1922.

⁶ Виктор Борисович Шкловский (р. 1893) — писатель, критик, литературовед; жил в это время в Берлине.

⁷ М. С л о н и м с к и й. Шестой стрелковый. Рассказы. Пг., «Время», 1922.

⁸ Л. Л у н ц. Бертран де Борн. Трагедия в 5 действиях. — Сб. «Город», № 1, Пг., 1923.

⁹ Повесть Зощенко, по свидетельству Каверина, была уничтожена автором.

¹⁰ В то время Каверин жил у Ю. Н. Тынянова. Об этом см. воспоминания Каверина «Горький и молодые» — «Знамя», 1954, № 11.

¹¹ См. В. К а в е р и н. Э. Т. А. Гофман (Речь на заседании «Серапионовых братьев», посвященная памяти Э. Т. А. Гофмана). — «Книга и революция». М. — Пг., 1922, № VII.

3

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

(Сааров. 10 октября 1922 г.)

В е н и а м и н у З и л ь б е р г ¹

Я наверное получу в<аши> рукописи, если вы пошлете их в Москву, Чистые пруды, Машков переулок, д. 1, кв. 16, Ек. Пав. Пешковой для Ивана Павловича Ладыжникова, который в конце месяца поедет в Германию ². Здесь все рукописи, достойные — по в<ашей> оценке — опубликования, могут быть довольно скоро изданы — для России и заграницы — «Книгой», для Госиздата. Условия издания будут приличные, часть гонорара в<ам> переведут немедленно. Вероятно, можно будет все или некоторые рассказы предварительно напечатать в разных здешних изданиях.

Целая книга сразу покажет читателю оригинальность в<ашего> таланта, своеобразие и свежесть фантазии вашей. Читатель поймет, что пред ним не каприз, не случайная игра воображения, а — нечто исключительное и — ценное. Уверен, что не ошибаюсь.

Однако вы должны знать, что вас не сразу поймут и оценят. Вам нужно вооружиться терпением в пути, на который в<ас> обрекает характер в<ашего> таланта. Его надо очень любить, очень беречь, — это цветок оригинальной красоты, формы, я склонен думать, что впервые на почве литературы русской распускается столь странное и затейливое растение. Для меня, старого читателя, уже и теперь в<аши> рассказы выше подобных у Гоголя ³. Не люблю сравнений, но, думая о вас, всегда невольно вспоминаю Гофмана и — так хочется, чтоб вы встали выше его! Я много мог бы сказать в<ам> комплиментов, все они были бы искренни, и я не считаю их преждевременными. Но — пока довольно, и — о другом.

Позвольте посоветовать в<ам> вот что: держитесь крепче с друзьями:

ГОРЬКИЙ

Силуэт (гравюра) Е. С. Кругликовой, Петроград, 1921 г.

Музей Горького, Москва

Лунцем, Зощенко, Слонимским да и всеми другими, кого не оглушает, не ослепляет «базар житейской суеты»⁴. Не обращайтесь на обезьян, вроде Пильняка, и спекулянтов красивым, но пустым словом. Вы — юноша, по мере расширения и углубления вашего опыта в〈аша〉 фантазия должна тоже шириться и углубляться, она может заставить вас написать вещи глубочайшего значения. Это вы должны помнить, стремясь к этому — берегите и любите в〈аш〉 талант.

Очень крепко жму вашу руку, милый друг.

А. Пешков

10.X.22.

Fürstenwalde. Saarow. Sanatorium.

¹ Горький всегда писал «Зильберг» вместо «Зильбер». В дальнейшем ошибочное написание Горького исправляется редакцией без оговорок.

² И. П. Ладыжников (1874—1945) — участник революционного движения в России, друг Горького, крупный издательский работник. В двадцатых годах в качестве одного из руководящих работников сотрудничал в книгоиздательском и книготорговом обществе «Книга», выпускавшем произведения Горького и других советских писателей (об И. П. Ладыжникове см. «Архив А. М. Горького», т. VII, ч. II. М., Изд-во АН СССР, 1959).

³ Горький нередко подчеркивал в Гоголе черты романтика и фантаста, его склонность к гиперболизации, игнорируя реалистическую ценность его образов. Этим, до известной степени, объясняется преувеличенная оценка ранних рассказов Каверина. Вскоре, впрочем, Горький подверг первую книжку Каверина серьезной критике (см. письмо 8).

⁴ «Базар житейской суеты» — это выражение получило особое распространение в европейской литературе и повседневной речи после выхода романа В. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847), вскоре переведенного и на русский язык под заглавием «Базар житейской суеты».

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград. 22 ноября 1922 г.⟩

Дорогой и многоуважаемый

Алексей Максимович!

Сердечное спасибо вам за письмо и за ваше такое доброе обо мне мнение¹. Оно мне чрезвычайно дорого и ценно, тем более, что почти никогда я не слышу подобных этому мнений. Однако ж я боюсь слишком вам поверить, и мне кажется, что столь чудесного отзыва я не заслужил. Мне так хочется все же оправдать его, что я поспешу как-нибудь переслать вам мои последние рассказы, и с этим письмом посылаю «Инженера Шварца». Этот рассказ я написал летом, он, по заданию, несколько современен, что не дало мне возможности соответственно со стилем усложнить и детальнее разработать сюжет. Эта фантастика настолько строится на реальности, что сложность первой неизбежно ограничивается простотой второй. Это первый опыт мой о русских. А мой второй рассказ «Столяры»² (по отзывам и сколько смею сам судить) — лучший, я пошлю вам в начале следующей недели. Если эти рассказы дойдут до вас, то я буду просить вас где-нибудь их напечатать.

В Москве в конце месяца выходит альманах изд⟨ательства⟩ «Круг». В нем будет помещена моя повесть «Пятый странник»³, о которой я писал вам в прошлом письме. Не буду писать вам подробно о Серапионовцах. Все здоровы, много и хорошо пишут и, слава богу, перестают обращать внимание на бесполезную шумиху, вокруг нас поднятую⁴. Верно, они вам пишут.

Большое спасибо вам, дорогой Алексей Максимович, за посылку. Она пришлась кстати; но мне непонятно, какой смысл имеет переводить посредственные рассказы на франц⟨узский⟩ язык? Мне кажется, что г. Жермен⁵ пожалеет о своем начинании. Мне кажется, что рассказы из первого альманаха⁶ не будут иметь успеха во Франции.

Еще раз сердечно благодарю вас за ваш добрый отзыв, за помощь, за то, что вы так хорошо ко мне относитесь.

Весь ваш В. К а в е р и н

22/XI — 1922 г.

Петроград. Греческая, 15, кв. 18.

Этот рассказ печатается в изд⟨ательстве⟩ «Круг», но выйдет не раньше, как месяца через три.

Посылаю также с П. П. Крючковым «Столяры». Если будет возможно, напечатайте это, Алексей Максимович, а то здесь никто меня не печатает. Привет сердечный и поцелуй Пушкину⁷. Его все помнят и любят по-прежнему.

¹ См. письмо 3.

² См. письмо 2, прим. 2.

³ См. письмо 2, прим. 4.

⁴ Имеется в виду полемика, развернувшаяся вокруг декларативных выступлений «Серапионовых братьев» в журнале «Литературные записки», 1922, № 3 (см. письмо 2, прим. 1). Резкой критике подвергся лозунг аполитичного искусства, выдвинутый в статье Л. Лунца, автобиографиях М. Зощенко, М. Слонимского и др. Следует отметить, что тогда же у некоторых «серапионовцев» возникло сожаление о «легкомыслии их собственных деклараций» (см., например, высказывания М. Слонимского, приведенные во вступительной заметке к переписке Горький — Слонимский).

⁵ Андре Жермен (André Germaine) — псевдоним Луи Сандре (р. 1881) — французский писатель и критик. В 1917—1922 гг. редактировал журнал «Les écrits nouveaux». С 1923 по 1930 г. журнал выходил под названием «Revue européenne».

Буржуазно-либеральные взгляды Жермена сменились в тридцатые годы стремлением оправдать и защитить фашистскую идеологию.

В письме Слонимскому от 20 августа 1922 г. Горький писал: «„Викторию Казимировну“ <М. Зощенко>, „Пустыню“ <Л. Лунца>, „Хронику Лейпцига“ <В. Каверина> — отдал переводить на французский язык» (см. Горький — Слонимский, письмо 6).

⁶ «Серационовы братья», Альманах первый. Пг., «Алконост», 1922. Переиздан в том же году в Берлине, с незначительными изменениями в составе сборника, издательством «Русское творчество». См. Горький — Слонимский, письмо 5, прим. 1, и письмо 8, прим. 3.

⁷ По свидетельству Каверина, шутивное прозвище В. Б. Шкловского.

5.

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

<Сааров. 8 января 1923 г.>

В е н и а м и н у З и л ь б е р

Из письма к Лунцу вы, дорогой мой, узнаете, что здесь затеян большой литературный журнал ¹, в нем и будут напечатаны ваши рукописи, — если вы не против этого.

Мы хотели бы иметь еще «Пятого спутника» ² и тот рассказ, где люди играют в карты, а карты — с людьми ³. Если вы желаете дать их, так отнесите рукописи в «Эпоху» ⁴ Белицкому ⁵, а он уже перешлет их сюда.

Обе ваши рукописи сильно интересны, но «Инженер» оставляет впечатление рассказа недоработанного, и в нем осталось кое-что шероховатое. Напр<имер>: намеренная, озорниковатая неясность, порою производит впечатление неясности *ненамеренной*. И — кое-где — небрежен язык.

«Столяры» ⁶ чудесно начаты, но поиски чудотворного рубанка деревяннм человеком иногда принимают характер аллегории, а ведь это — очень серьезная драма тысяч людей и даже — символическая драма.

В общем же — все-таки — хорошо.

По вопросу о гонораре и пр. вам и Лунцу напишет Виктор ⁷.

Крепко жму руку, будьте здоровы и работайте больше.

А. П е ш к о в

8.1.23.

Fürstenwalde. Saarow.

¹ Журнал «Беседа». См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.

² Рассказ называется «Пятый странник». См. письмо 2.

³ «Щиты и свечи», см. письмо 2, прим. 2.

⁴ Издательство, выпускавшее журнал «Беседа».

⁵ См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 3.

⁶ См. письмо 2, прим. 2.

⁷ В. Б. Шкловский.

6

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

Петроград. 12/XI—23

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович.

М. Слонимский передал мне, что вы спрашиваете у него обо мне и просите прислать мою книжку. Спасибо вам сердечное за память и доброе ко мне отношение.

Одновременно с этим письмом я посылаю вам мою книгу ¹. Я недоволен ею. Большинство рассказов запоздали печатью, устарели и по общему, кажется, приговору непонятны до крайности.

Возможно, что мне действительно не удавалось прояснить самый замысел рассказа, основное его ядро — как вы мне однажды указывали на это².

Летом я был занят работой над новым рассказом «Шулер Дье» ³ (этот Дье — dieu*). Когда я его выработаю окончательно, то непременно пошлю его вам (если можно) и буду просить отзыва о нем. Я положил довольно много труда на этот рассказ и писал честно, не позволяя себе играть словом или действием.

Все меня ругают, и мало-помалу я начинаю терять критерий для того, что хорошо и плохо в моих рассказах. Успеха не имею никакого и, кажется, это к лучшему.

Серапионовы братья — живы. Некоторые из нас достаточно определились, имеют большой, почти всегда заслуженный успех и, к сожалению, очень поддаются его влиянию. Особенно Никитин ⁴, который начинает писать все хуже. Должно быть, вы знаете о романе Федина («Города и годы») ⁵, поэме Тихонова («Шахматы») ⁶ и других вещах значительных и интересных.

Я не пишу вам о здешней литературной атмосфере. Все труднее становится печатать лучшее, что могут написать многие из нас. Нужна литература ясная, простая, точная. Вероятно вам известно все о Леве Лунце ⁷.

Он самый лучший мой друг, и мне без него бывает подчас скучно и трудно работать.

Однако ж я, кажется, держусь довольно крепко и гну свою линию. Что из этого выйдет, бог весть.

Еще раз большое спасибо вам за память.

С уважением и любовью В. К а в е р и н

Мой адрес: Проспект Карла Либкнехта, д. 32, кв. 18, Птрг.

¹ В. К а в е р и н. Мастера и подмастерья. Рассказы. М.—Пг., «Круг», 1923.

*...Я послал Горькому свою первую книгу <...> Это был сборник фантастических рассказов, в которых действовали алхимики, фокусники, средневековые монахи и автор, который время от времени решительно вмешивается в судьбы своих героев» (В. К а в е р и н. Горький и молодые.— «Знамя», 1954, № 11, стр. 162).

² См. письмо 1.

³ Рассказ «Шулер Дье», впоследствии названный «Большая игра», напечатан в журн. «Литературная мысль», 1925, кн. III, вошел в кн.: В. К а в е р и н. Конец хазы. Повести. Л., «Жизнь искусства», 1926.

⁴ Николай Николаевич Никитин (р. 1897) напечатал в 1923 г. следующие произведения: «Бунт». М., «Круг», 1923; «Ночной пожар» и «Русские ночи». Берлин, «Книгоизд-во писателей», 1923; «Камни». Рассказы. Пг., «Былое», 1923; «Полет». Повесть. М., «Круг», 1923.

⁵ Конст. Ф е д и н. Города и годы. Л., Госиздат, 1924.

⁶ Н. Т и х о н о в. Шахматы, поэма. Впервые опубликована в «Красной нови», 1923, № 6, стр. 137—144.

⁷ Речь идет о тяжелой болезни Л. Н. Лунца и отъезде его для лечения за границу.

(Берлин. 25 ноября 1923 г.)

В. З и л ь б е р

Ругают вас или хвалят — это должно быть совершенно безразлично для вас. Поверьте: я говорю так не потому, что меня тридцать лет ругают и хвалят и что это стало привычно мне и уже не трогает, нет, — я всегда относился равнодушно к хуле и похвале. Ни то, ни другое — ничему не учат, вот что я знаю и в чем убежден.

У вас есть главное, что необходимо писателю: талант и оригинальное воображение, этого совершенно достаточно для того, чтоб чувствовать себя независимым от учителей, хулителей и чтоб свободно отдать все силы-

* бог (франц.).— *Ред.*

духа вашего творчеству. Наперекор всем и всему оставайтесь таким, каков вы есть и — будьте уверены! — станут хвалить, если вы этого хотите. Станут!

Книжку¹ вашу еще не получил. Рассказ о «Шулере»² жду с нетерпением. Тема — трудная, хотя и кажется легкой; тема требует осторожности, отрицает грубость. Этакie вещи я бы писал с юмором и — с печальной улыбкой. Ибо — он шулер по роковой необходимости. Но — вы меня не слушайте!

О романе Федина³ — ничего не знаю, «Шахматы» Тихонова тоже неизвестны мне. Тихонов для меня уже и теперь выше Есениных всех сортов.

Я был бы очень благодарен вам, если б вы время от времени писали мне о новостях и людях литературных, а также и о себе самом.

Лунца я, к сожалению, не видал. Это серьезный и большой писатель, а Никитин — в опасном положении и, боюсь, из него ничего не будет. Что Зощенко? Слонимский?

Возвращаясь к вам лично, прежде всего желаю вам бодрости духа и веры в себя. Остальное — приложится. Как вы живете? Трудно? Не надо ли вам денег? Я мог бы достать. Не стесняйтесь: мы должны жить дружно, нам необходимо помогать друг другу.

Пишите мне по адресу:

Berlin, Kurfürstenstrasse, 79. Verlag «Kniga».

Как ваш арабский язык?⁴ Видите Шкловского? Каков сей мальчик и что делает?

Всем братьям — сердечный привет!

Крепко жму руку

А. Пешков

Завтра еду в Чехословакию, в Татры; у меня рецидив туберкулеза, плюю кровью. Здесь жить дорого, тяжело. Немцы — странные люди, очень! Поразительна их духовная нищета и грубость. Невероятно тяжело их политическое положение и совершенно изумительно их терпение. А я думал, что нет народа терпеливее русских. «Век живи, век учись и глупо умрешь», — как сказал недавно один немецкий ученый, любитель русских поговорок.

25.XI.23. Berlin.

А. П.

¹ См. письмо 6, прим. 1.

² См. письмо 6, прим. 3.

³ «Города и годы».

⁴ В это время Каверин учился в Университете на историко-филологическом факультете и в Институте живых восточных языков, на арабском разряде.

⟨Мариенбад. 13 декабря 1923 г.⟩

Вен. Зильберу

Я получил вашу книжку¹ — спасибо! — внимательно прочитал ее, но — похвалить не могу. Не сердитесь на меня и верьте, что мое отношение к вам совершенно ограждает вас от излишней придирчивости старого литератора, не чуждого, вероятно, известной доли консерватизма. Не сердитесь и спокойно выслушайте следующее: несмотря на определенно ощутимую талантливость автора, несмотря на его острое воображение и даже — порою — изящество выдумки, — вся книжка оставляет впечатление детских упражнений в литературе, впечатление чего-то не серьезного. Может быть, это потому, что вы отчаянно молоды и, так сказать, играете в куклы с вашей выдумкой, что, в сущности, было бы не плохо, обладай

вы более выработанным и богатым лексиконом. Но — языка у вас мало, он сероват, тускл и часто почти губит всю вашу игру. Вам совершенно необходимо озаботиться выработкой своего стиля, обогатить язык, иначе ваша, бесспорно интересная, фантастика будет иметь внешний вид неудачной юмористики: ваши темы требуют более серьезного и вдумчивого отношения к ним. Возьмем пример: четверо людей играют в карты; между ними — вне игры — драматическая коллизия, играя, они скрывают друг от друга свои подлинные отношения, но фигурам карт эти отношения известны, и короли, дамы, валеты, вмешиваясь в отношения людей, сочувственно, иронически, враждебно обнажают, вскрывают истинные отношения людей друг к другу, в картах тоже создается ряд комико-драматических коллизий, и вместо четырех существ — уже восемь увлечены борьбою против закона, случая, против друг друга; забава, игра превращается в трагикомедию, где фигуры карт спорят друг с другом и против людей.

У вас содержание этого рассказа ² неясно, запутанно, не понимаешь, — зачем все это написано? И так почти везде, по всей книге.

Я не повторю достаточно истрепанного указания на вашу зависимость от Гофмана, я очень уверен, что вы — писатель, у которого есть очень много данных для того, чтобы стать независимым, оригинальным. Но для этого надо работать, вы же, кажется, работаете мало, — в книге не чувствуешь восхождения к более совершенному ни в языке, ни в архитектуре рассказов.

Затем: мне кажется, что вам пора бы перенести ваше внимание из области и стран неведомых в русский, современный, достаточно фантастический быт. Он подсказывает превосходные темы, например: о чёрте, который сломал себе ногу, — помните: «тут сам чёрт ногу сломит!», о человеке, который открыл лавочку и продает в ней мелочи прошлого, — человек этот может быть антикваром, которого нанял Сатана для соблазна людей, для возбуждения в них бесплодной тоски о вчерашнем дне ³.

Милый друг, вы должны чувствовать, что я пишу вам не как «учитель», эта роль всегда была противна мне, и я никогда никого не учил, кроме себя, но, к сожалению, делал это «вслух». Пишу я вам как товарищ, как литератор, органически заинтересованный в том, чтоб вы нашли вашему таланту форму и выражение вполне достойные его.

Здесь, в Европе, наблюдается истощение, анемия литературного творчества, здесь — общая и грозная усталость, здесь очень процветает словесное фокусничество, а у людей серьезно чувствующих возникает все более острый интерес к русской литературе. Посему: «не посралим земли русской!» Надобно работать. Вам, новым, это особенно необходимо. Я хотел бы, чтоб всех вас уязвила зависть к «прежним» — Сергееву-Ценскому, М. Пришвину, Замятину, людям, которые становятся все богаче словом, я имею в виду «Преображение» Ценского ⁴ и «Кашееву цепь» Пришвина ⁵, и Замятина — статью в «Русском искусстве» ⁶, статью, в которой он сказал о вас много верного.

У всех нас — неладно с языком. Федин пишет: «...жутко ей *от носящейся* в снежных саванах головы вихрастой», нелепо связывая и путая два глагола *носиться* и *относиться*. Погоня за образом приводит его к таким неудачам: «золотые языки свечек метались, как привязанные на цепь звери». Он употребляет такие сочетания слогов, как «и их-ли». И вообще с русским языком обращается зверски: Шагинян Мариэтта сочиняет: «подливку, настоенную на сковородках», у нее «литература, общественность, даже наука, в чем нельзя сомневаться, объединились с небывалым подъемом», а «комендант закусил рюмку водки маслиной, проколотой вилкой». За ее роман «Перемена» ей следовало бы скушать бу-

терброд с английскими булавками. У Пильняка над Северным морем летает «кондор», — это уже от невежества.

Итак, сударь, вот я вас изругал. Подумав, почитав свою книжку, вы, я думаю, согласитесь: ругаю справедливо. Затем — верьте, что мне очень дорога ваша работа и ваш талант.

Крепко жму руку. Всем братьям — привет. Не забывайте меня.

Живу я сейчас в Чехословакии, Мариенбад, Отель «Máxhof». Мариенбад — летний город, сейчас две трети его домов стоят пустые, с заколоченными окнами, а я, Ходасевич⁷ и мое семейство живем одни в четырехэтажном доме, занимая четыре комнаты из 62 пустых. Очень тихо!

Всего доброго!

А. Пешков

13.XII — 23.

«Marienbad», но так как я не знаю сколько времени проживу здесь, то лучше всего писать мне: Berlin. Verlag «Kniga». Kurfürstenstrasse, 79.

¹ См. письмо 6, прим. 1.

² «Щиты и свечи».

³ Каверин вспоминает: «...юноша, получивший это письмо, не мог оценить всего значения другой темы, подсказанной Горьким: о чёрте, который сломал себе ногу. Впоследствии я обдумал (хотя еще и не написал) фантастический роман для детей, в котором хочу воспользоваться русскими поговорками в их вещественном первоначальном значении. Один из героев этого романа носит железный пояс, чтобы „не лопнуть от зависти“, а другой так метко попадает соседу „не в бровь, а в глаз“, что приходится немедленно вызывать скорую помощь» (В. Каверин. Горький и молодые. — «Знамя», 1954, № 11, стр. 163). Мотив «чёрта, сломавшего ногу», был использован самим Горьким в рассказе «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» («Архив А. М. Горького», т. III, М., 1951).

⁴ С. Н. Сергеев-Ценский. Валя (первая часть эпопеи «Преображение»). Симферополь, Крымиздат, 1923.

⁵ М. Пришвин. Кашеева цепь. Повесть печаталась в «Красной нови», 1923, №№ 3, 4, 5, 7.

ССОРА В ДОМЕ КАШИРИНЫХ
Акварель Б. А. Дехтерева к повести
Горького «Детство», 1934—1945 гг.

Музей Горького, Москва

⁶ Евгений З а м я т и н. Новая русская проза.— Журнал «Русское искусство», М.—Пг., 1923, №№ 2—3, стр. 57—67. В этой статье Замятин дал высокую оценку творчества «Серапионовых братьев».

⁷ В. Ф. Ходасевич в то время сотрудничал с Горьким в журнале «Беседа». См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.

9

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

Петроград. 20/XII—23 г.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Благодарю вас за вашу сердечность и за внимание, которого я не заслужил.

С многим из того, что вы пишете о моей книжке, — не могу не согласиться ¹. В прошлом письме я, кажется, писал вам о том, что и сам считаю ее детской, рядом экзерсисов на темы, которые заслуживают лучшей участи. Правда, я не «играл в куклы» с выдумкой, наоборот, я был максимально серьезен и даже потрясен работой, но, м<ожет> б<ыть>, это и в самом деле нужно объяснить моим возрастом. Вы правы, разумеется, касательно языка — я владею небольшим лексиконом. <...> В этом отношении я работаю уже давно и, признаться, меня глубоко огорчило, что касательно языка, вы не отметили в рассказах никакого успеха. Мне казалось, что «Хроника гор<ода> Лейпцига» написана более искусственным языком, чем, напр<имер>, «Столяры». Может быть, это и не так.

Вы позволили мне писать вам как старшему товарищу. Поэтому я позволю себе написать вам все, что у меня на сердце. Вы пишете о быте, о том, что он дает ценный материал, на который мне, в частности, должно бы обратить внимание. Этот совет — простите — не нов, уже два года официальная литература проходит под этим знаменем, и под этим знаменем вокруг «Петроградской Правды» недавно объединились питерские писатели ². Быт — это как раз та соломинка, на которой держится современная литература — Пильняк, Никитин, Иванов — и которая своими корнями исходит от — будем говорить правду — отживших литературных форм — Ремизова и Белого. Эта соломинка рухнет и очень скоро, потому что со всех сторон уже встают писатели, которые принесут с собою то, что важнее материала — новые литературные формы. Пусть эти писатели — Лунц, Леонов, Антокольский (те, о которых пишет Замятин ³) наконец, слабее силами и мастерством слова; они послужат почвой, на которой новая литература создаст высокие таланты, пусть на бытовом, пусть на отвлеченном материале. Это, б<ыть> м<ожет>, далеко впереди, и эти ласточки еще не сделали весну — но я убежден, что эта весна настанет. Раньше так думали только Лунц и я; но недавно я писал ему, что у нас уже есть единомышленники, заявившие себя если не талантом, то способной писательской рукою. Все это растет снизу. Замятин с глубоким вниманьем и любовью следит за этим. Он и сам мало-помалу отходит от ремизовщины <...>

Кстати о темах: нужно думать, что новое течение принесет на своих волнах и новые темы, и я не думаю, чтобы значительное место в них было отведено быту. Мне кажется, что в литературу легко входит только быт отстоявшийся, а не разметенный в куски — как быт современный. Ведь самая лучшая в рус<ской> литературе бытовая вещь «Война и мир» написана по документам. Сейчас дело летописцев, а не художников. Художники современности возникнут, б<ыть> м<ожет>, через 50 лет.

Простите меня за некоторую самоуверенность. Без нее как и без твердости трудно работать дальше.

Последнее время я много работал по университету — пишу работу по древней рус<ской> литературе, исследую «Сказание о Вавилонском царстве». Это — превосходная древнерусская повесть XVI—XVII века — как чудесно писали в старину, как полновесно и ярко!

Эта работа отвлекла меня за последнее время от литературных занятий. Теперь, на рождестве, я думаю поработать над «Шулером Дье»⁴ (я не посылаю вам этого рассказа, потому что первая редакция его в результате меня самого не удовлетворила). Мысль о создании характера сейчас меня глубоко увлекает. Вы не находите, что за последнее время никто не пытался дать характер? а ведь эта задача сейчас чрезвычайно интересна.

Сердечное вам спасибо за вашу заботливость и внимание, за предложение денег. Покамест я не нуждаюсь ни в чем, но если когда-нибудь со мною что-либо случится, я не замедлю воспользоваться вашим добрым ко мне отношением.

Серапионы — живы, пишут и работают по-прежнему. Настроение общее в литературе легко определить словом — разброд, — но среди разброда уже есть на чем остановиться взгляду. В газетах писали, что вы должны скоро приехать в Россию. Есть ли здесь хоть немножко правды? Если есть, вот было бы хорошо!

Скоро, вероятно, напечатают мою «Бочку»⁵ — снова не о России, но кажется с ясным содержанием. Я непременно пришлю ее вам, как и «Шулера», когда он будет готов.

Вы пишете, что в Европе — грозная усталость. Этого нельзя сказать о нашей литературе. От нашего хаоса можно ожидать целого мира.

21/XII.

Я перечитал свое письмо и вижу, что не вполне прав. С первого взгляда мне показалось, что вы зовете нас к Пришвину и Ценскому. Но ведь вы зовете состязаться с ними. Вы правы, конечно. Пора тверже становиться на ноги, больше работать, пора осознать себя и бросить вызов старой литературе. А для того, чтобы это сделать, *нужно* быть богаче словом, *нужно* обогатить стиль, *нужно*, чтобы наши пороховницы были полны порохом.

Простите, если где-нибудь я резко выразился или сказал не то слово. Благодарю вас за ваши письма.

Сердечный привет Владиславу Фелициановичу⁶, если он меня помнит.

Всего доброго.

Ваш В. К а в е р и н

В вашем первом письме⁷ вы сообщаете печальные вести о вашем здоровье. Верно эта беспокойная жизнь в Германии так дурно отразилась на нем. Я вам писал тотчас же по получении первого письма, но, верно, вы ничего не получили, потому что во втором вашем письме вы ничего не пишете о здоровье. Напишите теперь непременно, дорогой Алексей Максимович! Я спрашивал у Слонимского, но он тоже ничего больше, чем я, не знает о вас. Все Серапионы этим встревожены.

Еще раз всего, всего доброго. Поправляйтесь скорее.

В. К.

¹ См. письмо 8.

² В 1922—1923 гг. выходило приложение к газете «Петроградская правда» под названием «Литературная неделя», где печатались произведения Н. Никитина, Вс. Иванова, М. Зощенко, А. Чапыгина и др.

³ См. письмо 8, прим. 6.

⁴ См. письмо 6, прим. 3.

⁵ В. К а в е р и н. Бочка. — «Русский современник», 1924, кн. 2.

⁶ В. Ф. Ходасевичу.

⁷ См. письмо 7.

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

〈Мариевбад. 15 января 1924 г.〉

Дорогой Каверин,

говоря о «быте», я был очень далек от мысли подтвердить литературу Пильняка и К^о, хотя сам и являюсь «бытовиком». Но я ведь хорошо и всюду вижу, что эта школа, во всех ее разветвлениях, сделала свое дело и давно уже не имеет сил питать как духовные запросы художника, так равно — я надеюсь — и духовные интересы читателя. Должна отмереть и «словотворческая» литература Ремизова, тоже сыгравшая свою, очень значительную роль, обогатив русский словарь, сделав язык наш более гибким, живым.

Но я думаю, что «быт» нужно рассматривать как фон, на котором вы пишете картину и, отчасти, как материал, с которым вы обращаетесь совершенно свободно. Нужно также помнить, что быт становится все более быстро текучим и что быт XIX века уже не существует для художника, если он не пишет исторический роман. Для художника вообще не существует каких-либо устойчивых форм, и художник не ищет «истин», он их сам создает. Ведь и у вас игра в ландскнехт¹ — черта бытовая, но, вообразите, что карты тоже играют людьми, играющими в карты, и вы тотчас же вышли за черту реального быта, вообразите человека, который реально — вполне одинок и одиночество понуждает его создать себе сложную «бытовую» обстановку силою только фантазии своей. Создал и — верит реальности создания своего — понимает?

Этот человек — вы, это — художник. Это очень хороший «герой» в то же время. Все, что написал Л. Толстой, он написал о себе, так же, как Пушкин, Шекспир, так же, как Гете.

Вам особенно не следует бояться быта и нет нужды отрицать его, ибо у вас есть все задатки для того, чтоб легко превратить тяжелое «бытовое» в прекрасную фантазию. В конце концов — все великолепные храмы наши создаются нами из грязной земли.

В заключение: я думаю, что пришла пора немножко и дружески посмеяться над людьми и над хаосом, устроенным ими на том месте, где давно бы пора играть легкой и веселой жизни. Мы достаточно умны для того, чтоб жить лучше, чем живем, и достаточно много страдали, чтоб иметь право смеяться над собой.

Мне все кажется, что вы — из тех, кто должен хорошо понимать это. Несмотря на вашу молодость, которая, впрочем, никогда не порок. Будьте здоровы, дорогой Каверин.

А. Пешков

15.1.24.

Ходас<евич> посылает вам привет, Берберова² — тоже.

¹ В рассказе «Щиты и свечи».

² Нина Николаевна Берберова — поэтесса, жена В. Ф. Ходасевича. В то время печаталась в «Беседе».

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

〈Сorrento. 21 июня 1924 г.〉

Рассказы присылайте: теперь «Беседа»¹ допущена в Россию, и гонорар будет издателем увеличен. Разумеется, что рассказы, которые пойдут в «Беседе», уже нельзя печатать в других периодических изданиях.

ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО С ПИСАТЕЛЯМИ В «ДОМЕ ГЕРЦЕНА», МОСКВА, ИЮНЬ 1928 г.

Сидят (слева направо): В. Л. Львов-Рогачевский, Е. Д. Зозуля, В. П. Катаев, А. М. Эфрос, Горький, В. П. Юганов, В. Г. Лидин, Л. М. Леонов, Н. Огнев. Стоит (слева направо): С. О. Бройде (второй), Н. С. Анучин, Д. А. Горюнов (пятый), В. В. Гиммельфарб, Т. Г. Маттес, А. Н. Тихонов (Серебров), П. Н. Петровский, Д. Д. Благой, И. М. Новокосцов, Н. Д. Телешов

Фотографии

Собрание Д. Д. Благого, Москва

Да, Лунца страшно жалко ². В 5-й книге «Беседы» будет напечатана его последняя пьеса ³. Необходимо собрать и издать все, написанное им.

Для того, чтоб мне писать о нем ⁴, я должен иметь пред собою его вещи — не можете ли вы прислать мне «Бертрана» ⁵, «Обезьян» ⁶, «Вне закона» ⁷?

Буду очень благодарен.

Всего доброго, тороплюсь отправить письмо.

А. Пешков

21.VI.24. Sorrento.

¹ См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2.

² Л. Н. Лунц умер 8 мая 1924 г. в возрасте 23 лет в Гамбурге, куда уехал лечиться от тяжелой болезни мозга.

³ «Город Правды». Пьеса в 3 действиях. — «Беседа», 1924, № 5.

⁴ М. Горький. Памяти Л. Лунца. — «Беседа», 1924, № 5. См. Горький — Федин, письмо 7, прим. 1.

⁵ См. письмо 2, прим. 8.

⁶ «Обезьяны идут», пьеса. — «Веселый альманах». Пг., «Круг», <б. д.>.

⁷ «Вне закона». Трагедия в 5 действиях и 7 актах. — «Беседа», 1923, № 1.

12

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

<Ленинград.> 22/VI—24.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

<...> Я уже влез с головой в мой роман ¹ (роман ли?) и пишу с утра до вечера.

«Бочка» ² моя наконец выкатилась в свет (не вспомню, писал ли я вам об этом рассказе), и я жду отзывов — разумеется, ругательных. Здесь насчет новой литературы — тихо. Серапионы разъехались на лето; за последнее время никто не писал ничего нового — кроме Тихонова, который работает неустанно, и Федина, который медленно, раздумчиво, осторожно кончает «Города и годы».

Все другие — молчат (это еще хорошо) или пишут хуже, чем писали (Никитин, который совсем выдохся на своем материале, и Иванов, который начал терять себя на чужом) ³.

Из новых журналов — «Русский современник» ⁴, известный вам, — и больше, кажется, ничего. Здесь Шкловский; он много пишет, еще больше печатает и единственный из русских писателей приезжает в Питер за деньгами. «Сентиментальное путешествие» ⁵ наконец здесь выходит.

Я посылал вам оттиск «Бочки» — не знаю получили ли вы (я как-то перепутал адрес).

Когда будет готов роман, — непременно и в первую голову пошлю его вам, дорогой Алексей Максимович!

Больше никому не верю — никто про самого себя не знает, как пишет и что делает.

Все как-то потеряли свою дорогу — пишут по инерции и без прямой к тому необходимости. Русскую книгу становится трудно читать — это, по-моему, перед чем-то новым.

Будем ждать и работать (и барахтаться — без барахтания — ничего не выйдет).

Ну, всего доброго и сердечный привет.

Ваш В. Каверин

<...>

¹ Речь идет о романе «Конец хазы». Впервые напечатан в альманахе «Ковш», кн. 1. Л., 1925. По поводу этого романа Горький писал М. Л. Слонимскому: «Каверин смело шагнул в сторону от себя, — очень я его ценю!». См. Горький — Слонимский, письмо 14.

² См. письмо 9, прим. 5.

³ В то время В. В. Иванов писал вместе с В. Б. Шкловским авантюрный роман о химической войне — «Иприт».

⁴ «Русский современник» — литературный журнал, выходивший в 1924 г. (Ленинград — Москва), как значилось на титульном листе, «при ближайшем участии Горького. Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, Абр. Эфроса». В журнале печатались: Н. Асеев, С. Есенин, В. Каверин, Л. Леонов, Б. Пастернак, А. Толстой, К. Федин и др. Вышло четыре книги журнала. Ведущая роль принадлежала в нем Е. Замятину. Горький остался в стороне от руководства журналом, о чем свидетельствует его письмо к А. Н. Тихонову от 23 октября 1924 г., в котором он резко критикует содержание и характер журнала, выражает желание снять свое имя из перечня «ближайших участников» и «отойти от журнала» (см. сб. «Горьковские чтения. 1953—1957», М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 48—50).

⁵ В. Шкловский. Сентиментальное путешествие. Воспоминания 1918—1923 гг. Л., «Атеней», 1924.

13

ГОРЬКИЙ — КАВЕРИНУ

⟨Ленинград. 3 июля 1929 г.⟩

Сердечное спасибо, дорогой Каверин, за присланную книгу ¹. Я уже прочитал ее раньше, и она очень понравилась мне: отлично написана, оригинально построена. Однако ж мне кажется, что фигуру Сенковского вы несколько стиснули и принизили. От этого она стала плотнее, крепче, видней и это — хорошая работа художника, беллетриста. А исторически Брамбеус рисуется мне фигурой более широкой и высокой — более хаотической, расплывчатой. Думаю, что не совсем правильно трактовать его *только* как журналиста, ибо он обладал и дарованием беллетристическим, обладал чертами «художника». Умел не только критиковать, но и восхищаться, т<о> е<сть> — восхищать, возвышать себя — над действительностью. Весьма возможно, что вы сочтете замечания мои неуместными и ошибочными. Но, поверьте, что сделаны они из моего искреннего интереса к вашей работе.

Надеюсь, вы не намерены вполне посвятить себя историко-литературному труду, а беллетристику — «похерить»?

Всего доброго

А. Пешков

3.VII.29. Ленинград.

¹ В. Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1929.

14

КАВЕРИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ессентуки. 20 июля 1929 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо вам за добрый отзыв о моей книге ¹. Он догнал меня уже в Ессентуках, вот почему я сейчас же вам не ответил. Вы немного огорчили меня, написав, что «барон Брамбеус» — это работа беллетриста. Я все же надеюсь, что моя беллетристика не помешала науке; если бы книга была построена иначе и написана по-другому — выводы ее и основные тезисы нисколько бы не изменились. Мне легче было писать так, но принялся я за дело только тогда, когда убедился, что стиль книги не мешает ее достоверности исторической и историко-литературной.

Может быть, вы и правы, утверждая, что я несколько сузил фигуру Брамбеуса, рассмотрев его преимущественно со стороны его журнальной работы. Но именно эта сторона, являющаяся богатым материалом для изучения 30-х годов, и была обойдена или искажена традиционной историей литературы.

Спасибо вам за сердечное ко мне отношение. Разумеется, я вовсе не собираюсь менять беллетристику на науку. Но наступает подчас такое время, когда устаешь от постоянных размышлений над прозой, неизменно приводящих к тому, что все, что написано, написано не так и все надо начинать сначала. Тогда наука начинает казаться делом более высоким и достойным, чем литература с ее тактикой, политикой и возней мелких честолюбий.

Впрочем, я сижу сейчас над новой повестью², — сообщаю это вам, чтобы вы не подумали, что я стал брюзгой или разочаровался в русской литературе.

Всего доброго.

В. К а в е р и н

20/VII — 1929 г. Ессентуки.

¹ См. письмо 13, прим. 1.

² «Художник неизвестен». Повесть. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931.